

Нечаянно развязанная — битва —



— WKPB —

WKPВ

**Нечаянно развязанная
битва. Том первый**

«Автор»

2026

WKPВ

Нечаянно развязанная битва. Том первый / WKPВ — «Автор»,
2026

Когда в ночь падения Тёмного Лорда трескается сама ткань магии, в мир Гарри Поттера проливается Чёрная Грязь из искажённого Грааля. Вместо спасения приходит огонь — Жанна Альтер. Любовь Лили, грех, рождённый человечеством, и ярость святой сталкиваются в истории о цене жертвы и истинном масштабе зла.

© WKPВ, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Три оборота проклятого золота	5
Глава 1. Сквозняк в запертой комнате	8
Глава 2. Пепел на фарфоре	16
Глава 3. Девушка, пахнувшая пеплом и луной	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

WKPВ

Нечаянно развязанная битва. Том первый

Пролог. Три оборота проклятого золота

Время не терпит, когда в его раны запускают пальцы.

Где-то на другом конце земного шара, в городе, название которого в ту ночь навсегда стерлось из списков благополучных мест, небеса истекали гноем. Горел не просто бетон. Горела сама концепция надежды. Огромная, невидимая для простецов Чаша – изуродованная пародия на потир Христа, переполненная не вином искупления, а черной, кипящей грязью всех неискупленных грехов человечества, – была расколота. Ихор абсолютного зла, жидкое проклятие, состоящее из миллиардов шепчущих голосов, рухнуло на землю, ища сосуд. Оно жаждало воплощения. Оно молило о плоти, чтобы гнить в ней.

Но мир слишком плотен. Законы мироздания, высеченные еще до сотворения звезд, сопротивлялись этому вторжению. Черная Грязь должна была просто выжечь город и испариться, не сумев зацепиться за реальность.

Должна была. Если бы ровно в эту же секунду, за тысячи миль от горящего Востока, в холодной Шотландии, не прозвучал щелчок золотого механизма.

Один оборот.

Воздух в кабинете директора Хогвартса, пропитанный запахом лимонных долек и древней пыли, внезапно стал тяжелым, как вода на дне Марианской впадины. Альбус Дамблдор, стоявший у окна, не пошевелился. Он лишь закрыл глаза. На его столе вращался крошечный серебряный прибор, измеряющий плотность судьбы.

Два оборота.

Хрупкая шестеренка внутри прибора лопнула с таким звуком, будто кому-то сломали позвоночник.

Дети играли со временем. Спасали одну обреченную жизнь. Невинная, благородная кража у самой Смерти. Но Смерть, лишенная своей законной жатвы – будь то крестник в лохмотьях или душа убийцы, которого поцеловал дементор, – требует компенсации. В ткани реальности, натянутой до предела, образовалась микроскопическая трещина. Вакуум.

Три оборота.

Раздался тихий, почти извиняющийся звон.

Дамблдор медленно обернулся. Один из его самых надежных артефактов – веретено, связанное с кровными чарами дома на Тисой улице, – остановился. Серебряная нить, символизирующая защиту матери, дрогнула. А затем, вопреки всем законам алхимии и здравого смысла, начала чернеть. Серебро не просто окислялось. Оно гнило. Густая, пахнущая озоном и жженой плотью субстанция начала капать с шестеренок на полированное дерево стола.

– Фоукс, – голос старого мага прозвучал надтреснуто, лишенный привычного всезнающего спокойствия.

Феникс на жердочке не ответил. Бессмертная птица, символ воскресения, забилась в самый дальний угол клетки, спрятав голову под крыло. Феникс дрожал. Он чувствовал то, чего Дамблдор пока лишь касался разумом.

Два события, разделенные континентами, столкнулись в концептуальном пространстве. Трещина во времени, созданная мальчиком в очках, стала идеальной воронкой для Черной Грязи из разрушенной Чаши на Востоке. Зло, лишенное физического сосуда там, в огне, нашло себе путь сюда. И оно безошибочно устремилось к тому, кто эту трещину открыл. К тому, чья душа уже была расколота, представляя собой идеальный, пустующий алтарь.

Тисовая улица задыхалась от летней духоты. Воздух был неподвижен, словно насекомое, застывшее в янтаре.

В чулане под лестницей – хотя мальчик уже давно переехал в верхнюю спальню, его фантомная боль навсегда осталась здесь – старые тени внезапно удлиннились. Обои с цветочным узором начали покрываться испариной, но это была не вода. Крошечные капли черной влаги выступали сквозь бумагу, собираясь в сложные, изломанные геометрические узоры. Если бы кто-то посмотрел на них под правильным углом, он бы увидел клинопись. Записи о казнях. О выколотых глазах. О детях, принесенных в жертву ложным богам в песках древнего Урука.

На втором этаже, раскинувшись поверх скомканной простыни, спал Гарри Поттер. Ему снился кошмар. Очередной кошмар, к которому он давно привык. Зеленый свет, холодный смех.

Но внезапно смех оборвался. Зеленый цвет вспышки, цвет Смертельного Проклятия, начал мутировать, наливаясь грязным, ржаво-багровым свечением.

Гарри выгнулся на кровати дугой, издав задушенный, нечеловеческий хрип. Его руки вцепились в матрас с такой силой, что ногти прорвали плотную ткань, сдирая кожу в кровь.

Его шрам в виде молнии горел. Но это не было похоже на присутствие Волдеморта. Связь с Темным Лордом всегда ощущалась как осколок льда, вонзающийся в мозг. То, что происходило сейчас, было иным. Шрам превратился во врата.

Что-то вливалось в него. Что-то настолько огромное, древнее и переполненное ненавистью, что разум четырнадцатилетнего подростка начал крошиться, как сухой мел. Это была тяжесть всех грехов мира. Черная Грязь искала Грааль, но нашла крестраж. Она обволокла осколок души Тома Реддла.

Осколок души Тома Реддла закричал.

Это был не звук, который могло бы уловить человеческое ухо. Это была метафизическая агония – вопль ничтожного, эгоистичного зла, внезапно осознавшего свою абсолютную незначительность перед лицом первородного Греха. Волдеморт расколол свою душу из страха перед смертью. Черная Грязь, вторгшаяся в этот резервуар, и была смертью. Всеми смертями, которые человечество причиняло само себе с начала времен.

Грязь не стала заключать с крестражем союз. Она начала его переваривать.

Гарри выгнуло на постели так, что захрустели позвонки. Глаза мальчика закатились, обнажив налитые кровью белки, из которых потекли черные, маслянистые слезы. В одно чудовищное мгновение, длившееся вечность, его сознание было распято на колесе чужого опыта. Он почувствовал вкус песка на губах тысяч рабов, строивших зиккураты, чтобы умереть на их ступенях. Он ощутил тяжесть камня в руке Каина. Он захлебнулся пеплом костров Инквизиции. Миллиарды проклятий, отшептанных в предсмертной лихорадке, хлынули в его разум, требуя признать их. Требуя стать ими.

Его личность должна была стереться в пыль. Раствориться.

Но древняя магия, спавшая в его крови, ответила. Защита Лили Поттер – акт абсолютного самопожертвования, чистейшая форма любви – столкнулась с абсолютным эгоизмом всей истории человечества. Это было не сражение щита и меча. Это было столкновение двух несовместимых вселенных внутри одного измученного подросткового тела.

Материнская кровь вспыхнула, выстраивая вокруг души Гарри терновый венец концептуальной защиты. Грязь ревела, билась о невидимую преграду, пытаясь разьесть её, но каждый раз отступала, оставляя после себя концептуальные ожоги. Не в силах поглотить мальчика целиком, субстанция Грааля сделала единственное, что ей оставалось. Она осела на дне. Свернулась черным, пульсирующим узлом вокруг полупереваренного крестража в шраме, ожидая своего часа. Ожидая трещины.

А затем, повинувшись законам чужого мира, который теперь был намертво привязан к этому, Грязь потребовала Якорь.

Правая рука Гарри дернулась, словно прибитая к матрасу невидимым гвоздем. Кожа на тыльной стороне ладони начала лопаться. Никакого лезвия не было – плоть расходилась сама по себе, послушная воле жестокого хирурга. Из ран брызнула кровь, но она не впитывалась в простыню. Она кипела в воздухе, застывая, кристаллизуясь в рубиновые шрамы.

Один штрих. Как взмах кнута по спине мученика.

Второй. Как лезвие гильотины, падающее в толпу.

Третий. Как перекрестие прицела.

Командные Заклинания. Стигматы контракта, рожденные не милостью Грааля, а его искаженной агонией. Рисунок, выжженный на руке Гарри, не был похож на классические символы магов. Это был изломанный, перечеркнутый терновым венцом меч, плавающий в огне.

В этот момент дом номер четыре по Тисовой улице изменился навсегда.

Стены выдохнули. Обои в комнате Гарри потемнели, свернулись по краям, как сожженная бумага, обнажив штукатурку, которая вдруг стала подозрительно напоминать пористую, серую кость. Внизу, на кухне, стрелки настенных часов дернулись назад, издали звук ломающихся костей и замерли на отметке 3:15. Час Дьявола.

В соседней спальне Вернон Дурслэ захрипел во сне, его грудная клетка тяжело вздымалась – ему снилось, что он заживо замурован в стене собственного офиса. Петунья вцепилась в одеяло, видя в своих кошмарах сестру, чьи глаза были полны червей. Дадли плакал в подушку, не просыпаясь, оттого что его отражение в зеркале смеялось над ним чужим, змеиным голосом.

Мир простецов не замечал катастрофы. Но те, кто умел смотреть, уже ослепли от вспышки.

В Отделе Тайн Министерства Магии стеклянная сфера в ряду девяносто семь – пророчество о Темном Лорде и мальчике – вдруг покрылась сетью глубоких трещин изнутри. Черный туман заполнил её, и вместо голоса Трелони в пустом зале раздался хоровой, многоголосый шепот на латыни.

Глава 1. Сквозняк в запертой комнате

Гарри распахнул глаза.

Он лежал на спине, тяжело хватая ртом спертый, раскаленный воздух. Футболка прилипла к телу, насквозь пропитанная холодным потом. Боль ушла, оставив после себя сосущую, черную пустоту где-то в районе солнечного сплетения. И еще кое-что.

Тишину.

Абсолютную, мертвую тишину. Больше не было слышно гудения старенького холодильника внизу. Не стрекотали сверчки за окном. Даже ветер перестал биться в стекло. Мир словно задержал дыхание.

Гарри медленно, преодолевая тошноту, поднял правую руку. В полумраке комнаты, освещаемой лишь тусклым светом уличного фонаря сквозь щель в шторах, три багровых символа пульсировали в такт его сердцебиению. Плоть вокруг них казалась воспаленной, но крови не было – рисунок словно выжег сам себя изнутри, оставив шрамы в форме изломанного, перечеркнутого терновым венцом меча.

– Какого... – прохрипел он в пустоту. Голос прозвучал жалко, утонув в ватном воздухе спальни.

Он сел на кровати, спустив ноги на пол. Дерево показалось обжигающе холодным, несмотря на летнюю духоту, царившую в доме. Дурсли должны были вернуться только завтра к вечеру. Дадли выпросил у родителей поездку в парк аттракционов с ночевкой в отеле. Гарри помнил, как радовался этому – два дня абсолютной, никем не контролируемой свободы. Два дня без упреков, без хлопающих дверей и брезгливых взглядов.

Но сейчас эта свобода ощущалась как изолятор смертника.

Гарри потер шрам на лбу. Он не болел привычной режущей болью, возвещающей о ярости Волдеморта. Шрам казался... онемевшим. Словно нервные окончания выжгли кислотой.

Ему нужно было умыться. Смыть этот липкий пот кошмара. Он встал, покачнувшись, и вышел в темный коридор.

Ступени лестницы предательски скрипели под его босыми ногами. Каждый звук казался оглушительным. Спустившись на первый этаж, он щелкнул выключателем в прихожей. Лампочка мигнула, издала тихое электрическое жужжание, но свет получился каким-то тусклым, болезненно-желтым, словно светила она сквозь слой застоявшейся воды.

На кухне Гарри открыл кран. Вода потекла не сразу – сначала трубы глухо кашлянули, выплюнув сгусток ржавчины, и лишь затем ударила тонкая, теплая струйка. Он жадно припал к ней губами, но тут же отшатнулся, отплевываясь.

Вода имела отчетливый, металлический привкус. Привкус старой меди. Привкус крови.

– Просто ржавчина, – вслух произнес Гарри, пытаясь унять дрожь в руках. – Трубы старые. Дядя Вернон давно собирался вызвать сантехника.

Он оперся влажными руками о край раковины и посмотрел в темное окно перед собой. В стекле отражалась кухня: идеальный порядок Петунии, вычищенная до блеска плита, ровно расставленные стулья. И он сам. Растрепанный подросток с пугающе бледным лицом и горящими в полумраке глазами.

А затем Гарри заметил деталь, от которой волоски на его затылке встали дыбом.

Настенные часы над холодильником. Стрелка отсчитывала секунды. Тик. Так. Тик. Так.

Но звука не было. Часы шли в абсолютном безмолвии. А вот за его спиной, из коридора, доносился другой ритм. Медленный. Влажный. Будто кто-то с усилием проводил мокрой тряпкой по паркету.

Шурх... Пауза. Шурх... Пауза.

Гарри медленно обернулся. Дверной проем, ведущий в гостиную, зиял чернотой. Свет с кухни туда не проникал, словно тьма в той комнате стала физически плотной.

Его рука рефлекторно дернулась к карману джинсов, но палочка осталась наверху, на тумбочке. Идиот. Чертов идиот. Он стоял посреди кухни, вооруженный разве что полотенцем, пока в доме находилось нечто, нарушавшее базовые законы физики.

Шурх... Звук переместился. Теперь он исходил не из гостиной. Он доносился снаружи. От входной двери.

Кто-то скребся в нее. Не стучал, как нормальный человек. Не ковырялся отмычкой в замке. Ногти – или когти – медленно ползли по дереву сверху вниз, снимая стружку.

Гарри затаил дыхание. На цыпочках, стараясь слиться со стеной, он прокрался в прихожую. Глазок входной двери находился чуть выше уровня его глаз. Он зажмурился, перевел дух и, приподнявшись, прильнул к крошечному кружочку стекла.

Улица была пуста. Фонари горели, бросая длинные тени на аккуратно подстриженные газоны. Соседний дом номер шесть выглядел как обычно. Никого на крыльце не было.

Выдохнув, Гарри уже собирался отстраниться, когда заметил это.

Прямо под фонарем, на другой стороне улицы, стоял человек. Точнее, силуэт. Свет падал на него сверху, но не освещал ни черт лица, ни цвета одежды. Фигура была абсолютно, непроницаемо черной, как прореха в самой ткани пространства. И она была слишком высокой. Неестественно вытянутой.

Силуэт не двигался. Он просто стоял там, обратив безликую голову в сторону дома номер четыре.

И тут Гарри понял причину своего животного ужаса. Тень от фонарного столба падала влево. Тени от деревьев – тоже. А тень от этого существа тянулась прямо через дорогу, пересекала газон Дурслей, ползла по кирпичной кладке и... уходила прямо под входную дверь, с той стороны которой стоял Гарри.

Скрежет раздался снова. Прямо у самых ног Гарри. Это скреблась не дверь снаружи. Это тень скреблась под порогом, пытаясь проникнуть внутрь.

В ту же секунду метка на правой руке Гарри вспыхнула обжигающей, нестерпимой болью. Это была не просто рана – это был концептуальный сигнал тревоги. Территория замкнулась. Охота началась.

Гарри отшатнулся от двери, споткнувшись о подставку для зонтиков. С грохотом она повалилась на пол. В оглушительной тишине дома этот звук прозвучал как взрыв гранаты.

И словно в ответ на этот шум, тишину разорвал рев автомобильного мотора.

Гарри подскочил к окну в гостиной. По подъездной дорожке, сминая ухоженный газон, резко затормозила машина дяди Вернона. Фары выхватили из темноты кусты гортензии.

Они вернулись. На день раньше. Прямо сейчас.

– Нет, – одними губами прошептал Гарри. Разум лихорадочно выстраивал картину катастрофы. Силуэт под фонарем. Тень под дверью. И трое маглов, которые сейчас выйдут из машины прямо в центр этого кошмара.

Хлопнула водительская дверца.

– Я сказал, мы едем домой, и точка! – раздался разъяренный голос Вернона Дурсля, пробившийся сквозь стекло. – Этот ваш парк – рассадник мошенников! Пятьдесят фунтов за хот-дог, вы с ума сошли?!

– Вернон, не кричи на всю улицу, соседи услышат, – зашипела Петунья, выбираясь с пассажирского сиденья. – Дадличке стало плохо на американских горках, это не повод портить весь праздник...

Они направлялись к крыльцу.

Гарри бросился к входной двери и щелкнул замком изнутри, распахивая ее настежь.

– Уезжайте! – крикнул он, вцепившись побелевшими пальцами в косяк. – Быстро садитесь в машину и уезжайте!

Вернон, занесший ногу на ступеньку крыльца, замер. Его мясистое лицо начало стремительно наливаться багровой краской.

– Что ты сказал, паршивец? – прорычал он, сжимая пудовые кулаки. – Ты смеешь указывать мне, что делать в моем собственном доме?!

– Вы не понимаете! – Гарри в панике оглянулся на фонарь на другой стороне улицы.

Силуэта там больше не было. Пусто.

От этого стало еще страшнее.

– Там кто-то был! – Гарри отчаянно пытался подобрать слова, которые не звучали бы как бред сумасшедшего. – Кто-то стоял на улице. Странный. Я слышал шаги в доме и шорохи. Вы должны уехать, пока...

– Хватит! – рявкнул Вернон, грубо отодвигая Гарри плечом и вваливаясь в прихожую. За ним, испуганно озираясь, вошла Петуния, волоча за руку вялого, зеленоватого Дадли. – Опять твои ненормальные сказки! Опять пытаешься привлечь к себе внимание! Я терпел это достаточно!

Вернон захлопнул входную дверь с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка. Щелкнул замок. Ловушка закрылась окончательно.

– Дядя Вернон, послушайте меня хоть раз в жизни! – Гарри преградил ему путь, его глаза лихорадочно блестели. – Проверьте дом! Если не верите мне, просто проверьте! Здесь что-то не так! Окна, тени... посмотрите на часы на кухне!

Вернон тяжело задыхался, его ноздри раздувались. Он обвел взглядом прихожую. Упавшая подставка для зонтиков. Бледный, трясущийся племянник с какими-то красными царапинами на руке.

– Хорошо, – зловеще тихо произнес Вернон, выхватывая из подставки свой самый тяжелый зонт с массивной дубовой ручкой. – Я проверю. И когда я никого там не найду, мальчишка, ты пожалеешь, что вообще на свет родился. Петуния, отведи Дадли на кухню и дай ему воды.

Вернон грузно двинулся по коридору, заглядывая сначала в гостиную, затем на кухню. Он демонстративно щелкал выключателями, зажигая свет везде, где только мог.

– Никого под диваном! – издевательски громко рапортовал он. – О, и в холодильнике тоже пусто! Какая неожиданность!

Гарри стоял у лестницы, сжимая кулаки до хруста суставов. Он знал, что тварь здесь. Он чувствовал её присутствие кожей. Запах тины и озона никуда не делся, он просто впитался в обои.

Дядя тяжело поднялся на второй этаж. Гарри слышал, как тот открывает двери комнат. Спальня хозяев. Ванная. Комната Дадли. И, наконец, спальня самого Гарри.

Спустя минуту Вернон спустился обратно. Его лицо выражало триумф и абсолютную, не знающую жалости ярость.

– Пусто, – выплюнул он, подходя к Гарри вплотную и тыкая концом зонта ему в грудь. – Никаких теней. Никаких взломщиков. Только твоя больная, ненормальная фантазия, Поттер. Ты просто хотел испортить нам возвращение.

– Я не врал, – тихо сказал Гарри, не опуская глаз.

– Марш в свою комнату! – заорал Вернон так, что у Гарри заложило уши. – И чтобы до утра я не слышал ни звука! Завтра мы решим, что с тобой делать! Пошел вон!

Гарри медленно повернулся и начал подниматься по ступеням. С каждым шагом навверх температура вокруг него падала. Когда он оказался на площадке второго этажа, изо рта вырвалось облачко пара.

Он подошел к двери своей комнаты. Дерево было покрыто тонким слоем инея.

Сглотнув вставший поперек горла ком, Гарри толкнул дверь и шагнул внутрь.

Свет уличного фонаря больше не проникал в окно. Стекло было замазано изнутри чем-то густым и черным. А в центре комнаты, прямо на его кровати, сидел тот самый силуэт, который он видел на улице.

Только теперь это был не силуэт.

Существо сидело к нему спиной, сторбившись, перебирая в длинных, костлявых пальцах его волшебную палочку. Сутана из гниющих водорослей источала смрад, от которого у Гарри мгновенно заслезились глаза.

– Иллюзия безопасности, – прохрипело существо голосом, в котором смешались сотни интонаций. Оно медленно повернуло голову. Лицо, лишенное губ, обнажило ряды мелких, игольчатых зубов. – Как же легко люди обманывают сами себя.

Существо сжало кулак. Палочка из остролиста хрустнула и брызнула щепками. Перо феникса внутри нее вспыхнуло на секунду и угагло, превратившись в серый пепел.

Ассасин улыбнулся.

– А теперь, дитя... мы приступим к таинству боли.

Голос Ассасина заполнил комнату, резонируя в черепе Гарри, как звон треснувшего колокола.

Воздух в спальне мгновенно загустел, став почти осязаемым, как желатин. Гарри почувствовал, как невидимые тиски сдавили его грудную клетку, выжимая кислород. Он попытался сделать шаг назад, к спасительному дверному проему, но его ноги словно приросли к полу.

Ассасин, известный истории как Жиль де Ре, медленно поднялся с кровати. Его движения были текучими, лишенными костной жесткости, как у глубоководного хищника. С каждым его шагом по направлению к Гарри, комната неуловимо менялась. Постеры с командами по квиддичу на стенах обугливались и скручивались. Игрушки Дадли, сиротливо пылящиеся на полках, плавилась, стекая разноцветными пластиковыми слезами.

Из рукавов сутаны Ассасина, подобно клубящемуся дыму, начали выползать тонкие, пульсирующие щупальца, сотканые из теней и запекшейся крови. Они тянулись к Гарри, извиваясь, как слепые черви, ищущие тепло.

Паника, первобытная и всепоглощающая, накрыла подростка с головой. Он остался без палочки. Без магии. Один на один с воплощенным кошмаром в запертой комнате.

Гарри рванулся всем телом, вкладывая в это движение всю силу отчаяния. Невидимые оковы не выдержали напора. Его нога выскользнула из липкой тени, как из грязи. Он бросился к двери, вываливаясь в коридор, где воздух был хоть на пару градусов теплее.

Сзади, в спальне, раздался влажный, чавкающий звук.

– Прячешься, дитя? – голос Ассасина заструился по дому, проникая в каждую щель. – Беги, беги! Чем быстрее бьется твое сердце, тем слаще будет кровь.

Гарри с грохотом скатился по лестнице. Его пятки проскальзывали на ступенях, однажды он чуть не подвернул лодыжку, но боль только подстегивала его. Оказавшись внизу, он подбежал к гостиной, где Дурсли все еще приходили в себя.

– Вызовите полицию! – закричал он, срывая голос. – Быстро! Оно здесь!

Вернон Дурслль, стоявший у серванта с бутылкой бренди в руке, поперхнулся. Его лицо, только начавшее возвращать себе нормальный цвет, снова налилось кровью.

– Ты! – взревел он, швыряя стакан в стену. Хрусталь разлетелся на тысячи осколков. – Опять твои фокусы?! Я же сказал тебе сидеть тихо!

– Дядя Вернон, пожалуйста! – Гарри впился в рукав его пиджака, пытаясь развернуть лицом к лестнице. – Посмотрите! Просто посмотрите вверх!

Вернон оттолкнул племянника с такой силой, что тот отлетел в кресло.

– Не смей прикасаться ко мне своими ненормальными руками! – прорычал он. – Петунья, звони в приют Святого Брутуса! С меня довольно! Пусть забирают его хоть сегодня ночью!

– Мама... – проскулил Дадли, сжавшись на диване. – Там... на потолке...

Петуния, державшая телефонную трубку, медленно подняла глаза. И закричала.

Это был не тот визг, которым она обычно встречала мышей или пауков. Это был крик женщины, чей мир, аккуратно выстроенный из кружевных салфеток и подстриженных газонов, рухнул в бездну безумия.

С потолка гостиной, прямо над люстрой, сочилась черная, густая жидкость. Она капала на ковер, прожигая в нем дыры, от которых поднимался едкий, сернистый дым. Но самое страшное было не в этом. Жидкость формировала слова. Гротескные, искаженные буквы, словно написанные пальцем безумца.

ЖЕРТВА ПРИНЯТА.

А затем свет в доме погас.

В абсолютной темноте раздался тот самый звук, который Гарри слышал наверху. Влажный шлепок, как от падения тяжелого куска мяса на пол. Кто-то спрыгнул с лестницы.

– Зажги свет! Вернон, сделай что-нибудь! – истерично закричала Петуния.

– Где фонарик?! – голос дяди дрожал, срываясь на фальцет. Слышалась возня, звон падающей мебели. – Черт побери, где этот проклятый фонарик?!

Вспышка. Луч карманного фонарика, выхваченный из ящика комода, прорезал тьму. Он заметался по комнате, выхватывая испуганные лица Дурслей, перевернутый журнальный столик, осколки стакана. И остановился на дверном проеме, ведущем в коридор.

Там стоял Ассасин.

Его глаза, лишенные век, светились в темноте мутно-желтым светом, отражая луч фонарика. Он улыбался, обнажая десны, черные от разложения.

– Семейный ужин? – проворковал Жиль де Ре, делая шаг в гостиную. – Как мило. Я как раз проголодался.

Вернон Дурсль, чья жизнь состояла из отрицания всего необычного, вдруг сделал то, чего от него никто не ожидал. Возможно, сработал инстинкт защиты территории, вбитый в него годами владения домом. А может, просто первобытный страх за семью пересилил логику.

Он взревел, как раненый медведь, и бросился на монстра, замахнувшись тяжелым фонариком как дубиной.

– Убирайся из моего дома! – заорал он, обрушивая удар на голову существа.

Фонарик прошел сквозь голову Ассасина, как сквозь голограмму, и с глухим стуком ударился о дверной косяк. Жиль даже не шелохнулся. Его тело, сотканное из теней и магии, проигнорировало физическую атаку.

Но Ассасин не проигнорировал дерзость.

Его рука, удлинившись, как резиновая, метнулась вперед и схватила Вернона за горло. С легкостью, с которой ребенок поднимает куклу, монстр оторвал грузного мужчину от пола. Вернон захрипел, болтая ногами в воздухе, его лицо начало синеть. Фонарик выпал из ослабевших пальцев и покатился по полу, отбрасывая безумные тени.

– Папа! – взвизгнул Дадли, пытаясь сползти с дивана и спрятаться за ним.

– Невежество, – прошипел Жиль, приближая лицо к задыхающемуся Вернону. – Ты думал, что твой мирок из кирпича и ипотеки защитит тебя от Бездны? Как наивно.

Петуния, оцепеневшая от ужаса, вдруг схватила со стола тяжелую хрустальную вазу с искусственными цветами. Ее руки тряслись так, что цветы в вазе стучали о стекло.

– Отпусти его! – взвизгнула она, швыряя вазу в монстра.

Ваза разбилась о плечо Ассасина, осыпав его осколками. Это не причинило ему вреда, но, кажется, привлекло внимание. Он медленно повернул голову к Петунии, и его улыбка стала еще шире.

– О, женщина, – прошептал он. – В тебе я чувствую страх, замешанный на зависти. Восхитительный букет.

Щупальца, змеившиеся по полу, метнулись к Петунии и Дадли, обвивая их лодыжки. Они закричали, когда их потащило по ковру к центру комнаты.

Гарри, все это время стоявший в оцепенении, вдруг почувствовал, как ярость прорывается сквозь страх. Это была его семья. Да, они были ужасными людьми. Да, они ненавидели его. Но это были люди. И это чудовище собиралось убить их на его глазах.

Он не мог этого допустить.

Гарри схватил каминную кочергу, стоявшую у камина. Тяжелая, чугунная, холодная. Не волшебная палочка, но хоть что-то.

– Эй! – крикнул он, бросаясь к Ассасину. – Твоя цель – я! Оставь их в покое!

Он замахнулся кочергой, целясь не в призрачное тело, а в руку, державшую Вернона. Может быть, физический удар по конечности, которая взаимодействует с материей, сработает?

Удар кочергой пришелся не по руке. Жиль де Ре перехватил чугунный прут в полете. Его пальцы, похожие на пучок бледных червей, сомкнулись на металле. Раздался противный, визгливый скрежет – чугун под его хваткой начал деформироваться, словно пластилин, и сочиться черной сукровицей.

– Железо? – голос Ассасина прозвучал прямо в голове Гарри, минуя уши. – Ты угрожаешь Бездне куском руды?

Щупальце, вырвавшееся из-под сутаны, хлестнуло Гарри поперек груди. Это был не удар кнута. Это был удар тарана. Ребра мальчика отозвались сухим, тошнотворным хрустом. Гарри отшвырнуло назад, он пролетел через всю гостиную и врезался в сервант с парадной посуды. Стекло взорвалось, осыпая его дождем острых осколков.

Гарри рухнул на пол, захлебываясь криком, который не мог вырваться из сдавленных легких. Из рта хлынула кровь, теплая и соленая.

– Смотри, – прошипел Жиль.

Щупальца, державшие Дурслей, сжались.

Вернон больше не хрипел. Его лицо стало фиолетовым, язык вывалился наружу, а глаза закатились, показывая белки, на которых лопались сосуды.

У Дадли из носа и ушей потекла тонкая струйка крови.

Петуния скребла ногтями по ковру, ломая их под корень, оставляя кровавые борозды на ворсе. Она смотрела прямо на Гарри. В ее взгляде не было ненависти. Только животный ужас и немая мольба: «Сделай что-нибудь».

– Они умирают, – констатировал Жиль с нежностью патологоанатома. – Их души – лишь аперитив. Но ты... ты будешь смотреть, как они гаснут. А потом я вскрою твой череп и выпью твое отчаяние.

Гарри попытался встать. Рука соскользнула в лужу собственной крови. Боль в груди была такой, что темнело в глазах. Он не мог их спасти. Он не мог спасти даже себя.

«Я слаб», – пронеслось в голове. – «Я ничтожество. Я умру здесь, среди осколков и трупов, и никто даже не узнает».

Но затем взгляд упал на правую руку.

Метка не просто горела. Она жрала его плоть. Командные Заклинания пульсировали в такт угасающему сердцу, требуя выхода. Они пили его ману, его жизнь, его ярость.

– Нет... – прохрипел Гарри. Кровавая пена пузырилась на губах.

Жиль де Ре поднял свободную руку. Между его пальцами сформировался скальпель из чистой тьмы.

– Пора, – он занес лезвие над шеей Петунии.

В этот момент в Гарри что-то сломалось. И одновременно – родилось.

Это была молитва. И это был вопль загнанного зверя, который готов перегрызть глотку самому дьяволу, лишь бы выжить.

Он ударил окровавленной правой рукой, отмеченной клеймом, прямо в пол. В осколки стекла. В собственную кровь.

– ЯВИСЬ! – этот крик разорвал ему горло. – КТО УГОДНО! УБЕЙ ЕГО! СПАСИ ИХ! Я ОТДАМ ВСЁ!

Кровь Гарри, смешавшись с магией Метки, вспыхнула.

Это был не свет. Это была тьма, которая была ярче любого света. Пол под Гарри взорвался. Паркет, лаги, фундамент – всё исчезло, уступая место багровому инферно.

Жиль де Ре замер. Скальпель дрогнул в его руке. Он почувствовал это. Запах. Не серы, не тлена. Запах пепелища. Запах сожженной плоти святой мученицы.

– Жанна...? – прошептал он, и в его голосе смешались благоговение и безумие.

Из багрового разлома в полу ударил столб огня. Не обычного. Черного огня, пожирающего тени.

В центре пламени стояла фигура.

Она не материализовалась из воздуха. Она словно прорвала ткань реальности, шагнув из ада прямо в гостиную дома номер 4.

Латная перчатка сжала древко флага. Черный металл, раскаленный добела.

Взмах.

Ударная волна сбила пламя, мгновенно выморозив воздух.

Жанна д'Арк Альтер стояла над Гарри. Пепельно-белые волосы, короткие, рваные, словно их кромсали тупым ножом. Глаза – два озера расплавленного золота с вертикальными, драконьими зрачками. На ее лице застыла гримаса абсолютного, концентрированного отвращения.

Она посмотрела на Гарри – окровавленного, полумертвого, лежащего в грудe стекла.

– Ты... – ее голос звучал как скрежет металла по стеклу. – Ты посмел выдернуть меня из небытия ради... этого?

Затем она перевела взгляд на Жюль.

Ассасин отступил на шаг. Его выпученные глаза расширились еще больше, хотя казалось, что это невозможно.

– Жанна... – прохрипел Жюль. – Моя святая... ты вернулась... Но почему... почему ты такая грязная?

Это слово стало триггером.

Глаза Жанны Альтер сузились.

– Грязная? – переспросила она тихо. Слишком тихо. – Ты, кусок разлагающейся слизи, называешь меня грязной?

Жюль затрясся. Его безумие сыграло злую шутку. Он видел перед собой Жанну, но не ту, которую помнил. Не светлую деву Орлеана. Он видел искажение. Подделку. Демона, укравшего лик его возлюбленной.

– Ты не она! – взвизгнул Ассасин, и его голос сорвался на визг. – Ты – ложь! Ты – демон, надевший ее кожу! ИЗЫДИ!

Щупальца Жюль, забыв о Дурслях, метнулись к Жанне. Десятки черных, склизких плетей, нацеленных в ее сердце.

Жанна даже не шелохнулась. Она просто крутанула флаг.

– La Grondement Du Haine! (Рёв Ненависти!)

Черное пламя вырвалось из древка, формируя стену огня. Щупальца, коснувшись его, не просто сгорели – они испарились с мерзким, чавкающим звуком, оставив после себя лишь облако зловонного пара.

Жюль взвыл, отдергивая обугленные обрубки.

– Ты смеешь атаковать меня, червь? – Жанна шагнула вперед. Ее сапог с хрустом опустился на осколки вазы. – Я – Драконья Ведьма. Я та, кто сожжет этот мир дотла. А ты... ты просто мешаешь мне думать.

Она рванулась с места. Не бежала – летела, оставляя за собой шлейф из искр и тьмы.

Острие ее флага, заточенное как копье, нацелилось прямо в грудь Ассасина.

– Умри! – рывкнула она.

Жиль, вопреки своей громоздкой комплекции, изогнулся невозможным образом, пропуская острие в миллиметре от своей шеи. Его книга раскрылась, и из страниц вырвался рой демонических мух, пытаясь ослепить Слугу класса Авенджер.

Жанна отмахнулась от них, как от назойливой пыли, и нанесла удар ногой в кованном сапоге прямо в колено Ассасина. Раздался хруст, похожий на выстрел. Жиль рухнул на одно колено, шипя от боли и ярости.

– Подделка! Фальшивка! – выплевывал он проклятия, пытаясь сформировать новое заклинание. – Я выпотрошу тебя и верну настоящий свет!

– Свет? – Жанна перехватила флаг, нависая над ним. На ее лице появилась жестокая, садистская улыбка. – У меня для тебя плохие новости, Жиль. Света больше нет. Есть только я... твоё порождение!

Она занесла острие для добивающего удара, но Ассасин вдруг рассыпался на стаю черных крыс, которые с писком разбежались по углам, втягиваясь в тени.

– Трусливая тварь, – сплюнула Жанна.

Она резко развернулась. Огонь на ее флаге погас, но жар в комнате остался.

Дурсли, все еще живые, но находящиеся в глубоком шоке, жались в углу. Вернон хрипел, держась за горло. Петунья закрывала собой Дадли, глядя на спасительницу расширенными от ужаса глазами.

Жанна медленно подошла к Гарри. Он все еще лежал на полу, не в силах пошевелиться. Кровь заливала ему глаза.

Она наступила сапогом ему на грудь. Не сильно, но достаточно ощутимо, чтобы выдавить воздух.

– Эй, – бросила она, глядя на него сверху вниз с выражением крайней брезгливости. – Ты хоть жив, Мастер? Или мне сразу искать нового?

Гарри попытался сфокусировать взгляд. Все плыло. Он видел только ее горящие золотые глаза и перекошенный от злости рот.

– С-спасибо... – прошептал он.

Жанна фыркнула.

– Не благодари, – она убрала ногу и протянула руку. Не чтобы помочь встать, а чтобы схватить его за подбородок и резко повернуть лицо к свету фонарика, валяющегося на полу. – Ты выглядишь как кусок дерьма. И пахнешь так же. Если ты сдохнешь сейчас, я тебя воскрешу и убью лично. Понял?

В углу кто-то всхлипнул. Это была Петунья.

Жанна медленно перевела взгляд на нее. В ее глазах не было жалости.

– А вы, – процедила она, указывая острием флага на Дурслей. – Если хоть кто-то из вас издаст хоть звук... я превращу этот дом в крематорий.

Она опустила флаг, и тот с глухим стуком ударился об пол.

Битва закончилась. Но война только началась.

Глава 2. Пепел на фарфоре

Тишина, наступившая после исчезновения Жилия, была тяжелее, чем его присутствие. Это была тишина морга, где только что выключили свет.

В воздухе висел густой, удушливый запах озона, горелой проводки и – самое страшное – сладковатый аромат паленой человеческой кожи, исходивший от мест, где щупальца касались Дурслей.

Гарри лежал на спине, глядя в потолок, покрытый копотью. Каждый вдох давался с трудом, словно в легкие насыпали битого стекла. Ребра были сломаны – он чувствовал, как костные отломки скрежещут друг о друга при малейшем движении. Кровь во рту загустела, приобретая вкус старых медных монет.

«Я жив» – эта мысль казалась чужой, абсурдной. – «Почему я жив?»

Над ним нависла тень.

Жанна д'Арк Альтер не убрала свой флаг. Она держала его как копье, острием вниз, и наконечник покачивался в дюйме от кадыка Гарри. Черный металл все еще дымился, излучая жар, от которого ресницы Гарри начали скручиваться.

– Ты... – она наклонила голову, и прядь пепельных волос упала ей на глаза. В этом движении не было грации. Была резкость хищной птицы. – Ты хоть понимаешь, что натворил, мусор?

Гарри попытался ответить, но вместо слов из горла вырвался булькающий кашель. Кровавая пена брызнула на начищенный сапог Жанны.

Она поморщилась, словно наступила в грязь.

– Мерзость, – выплюнула она. – Слабый. Сломанный. Ничтожный. И это мой Мастер? Грааль, должно быть, спятил, раз связал меня с таким убожеством.

В углу комнаты послышалось шуршание. Вернон Дурсль, держась за багрово-синюю шею, попытался подняться на колени. Его лицо было цвета старой газеты, а глаза бегали по комнате, не в силах сфокусироваться.

– Вон... – прохрипел он. Голос Вернона, обычно громоподобный, теперь напоминал скрип несмазанной петли. – Вон из моего дома... вы, уроды...

Жанна медленно повернула голову. Ее шея хрустнула.

– Он еще и разговаривает, – сказала она с искренним изумлением, обращаясь скорее к самой себе, чем к кому-либо в комнате. – Я спасла его жирную тушу от того, чтобы стать кормом для фамилъяров, а он смеет открывать рот?

Она сделала шаг в сторону Дурслей. Сапоги гулко стукнули по паркету.

– Нет! – Гарри дернулся, пытаясь перехватить ее ногу, но пальцы лишь бессильно скользнули по металлу поножей. – Не трогай их!

Жанна замерла. Она посмотрела на свою ногу, которую только что коснулась рука Гарри, затем на его искаженное болью лицо. В ее янтарных глазах вспыхнул опасный огонек.

– Ты приказываешь мне? – тихо спросила она. – Ты, лежащий в собственной моче и крови, смеешь приказывать Мстителю?

– Я... прошу, – Гарри сглотнул кровь. – Они... моя семья.

– Семья? – Жанна рассмеялась. Это был короткий, лающий звук, лишенный веселья. – Я видела, как этот боров смотрел на тебя секунду назад. Он желал тебе смерти больше, чем тот Ассасин. И ты защищаешь их?

Она наклонилась, схватив Гарри за грудки окровавленной футболки, и рывком приподняла его над полом. Боль в сломанных ребрах взорвалась сверхновой, заставив Гарри вскрикнуть.

– Ты либо святой, либо идиот, – прошипела она ему в лицо. От нее пахло гарью, железом и чем-то древним, как пыль сожженных библиотек. – Я ненавижу и тех, и других. Святых я жгу. Идиотов – топчу.

Но, вопреки своим словам, она не ударила.

Ее левая рука, свободная от флага, вспыхнула багровым светом. Это была не магия исцеления, какую Гарри видел у мадам Помфри. Это была грубая, насильственная энергия – мана, сконцентрированная в чистую волю.

Жанна с силой прижала ладонь к груди Гарри, прямо поверх сломанных ребер.

– А-А-АГХ! – Гарри выгнулся дугой.

Ощущение было таким, словно в грудь залили расплавленный свинец. Магия Жанны не уговаривала ткани срастаться. Она приказывала им. Кости с треском вставали на место, разорванные сосуды спаивались, мышцы стягивались узлами. Это было насилие над организмом ради его спасения.

– Терпи, щенок! – рывкнула она, когда он попытался вырваться. – Если сдохнешь, моя мана рассеется, и я исчезну. А я не собираюсь исчезать из-за твоей хрупкости!

Через десять секунд, которые показались Гарри вечностью, она разжала руку и бросила его обратно на пол.

Гарри судорожно вдохнул. Воздух вошел в легкие свободно. Боль ушла, оставив после себя лишь тупую, ноющую пульсацию и жжение на коже в форме ладони Жанны.

– Вставай, – скомандовала она, отворачиваясь. – Хватит валяться. У нас проблемы поважнее твоих царапин.

Гарри, шатаясь, поднялся на ноги. Его колени дрожали, но он стоял.

В этот момент реальность вокруг дома дрогнула.

Стены, которые все еще напоминали пульсирующее мясо, внезапно посерели. Иллюзия (или реальность Ассасина?) начала осыпаться, как сухая штукатурка. Мясные ступени лестницы снова стали деревянными. Черви на обоях исчезли, оставив после себя лишь пятна плесени.

Окно в гостиной, замазанное чернотой, очистилось. Сквозь разбитое стекло ворвался свежий ночной воздух и звук, которого не было слышно последние полчаса.

Стрекотание сверчков. Шум далекой машины.

Барьер пал. Территория Ассасина свернулась, выбросив их обратно в обычный мир.

– Что... что это было? – голос Петунии был едва слышен. Она сидела на полу, прижимая к себе Дадли, и смотрела на Жанну с выражением суеверного ужаса.

Жанна подошла к окну, хрустя осколками стекла под сапогами. Она выглянула наружу, проверяя периметр с профессионализмом солдата.

– Это было начало войны, женщина, – бросила она через плечо, не удосужившись даже взглянуть на Петунию. – И ваш пряничный домик только что стал линией фронта.

Она повернулась к ним лицом. В свете единственной уцелевшей лампы в коридоре ее черные доспехи казались провалом в пространстве.

– Слушайте внимательно, потому что я не буду повторять, – ее голос стал холодным и деловым. – Тварь, которая была здесь – это Слуга. Героический Дух, призванный убивать. Он ушел, но он вернется. И он будет не один.

Вернон, наконец сумевший встать, опираясь на перевернутое кресло, побагровел. Страх начал уступать место его привычной, тупой ярости.

– Я вызову полицию! – прохрипел он, брызгая слюной. – Я позвоню в Ми-5! Вы ворвались в мой дом! Вы разгромили мою гостиную! Кто будет платить за это?!

Жанна медленно перевела взгляд на него. В ее глазах не было ни капли сочувствия, только безмерная усталость существа, вынужденного общаться с насекомым.

– Звони, – сказала она спокойно. – Звони хоть Королеве. Но когда приедет полиция, они найдут здесь только четыре трупа. Потому что Ассасин вернется раньше, чем они успеют оформить протокол.

Она подошла к Вернону вплотную. Тот инстинктивно попятился, но уперся спиной в стену. Жанна была ниже его на голову, но в этот момент казалось, что она возвышается над ним, как гора.

– Ты думаешь, ты хозяин в этом доме? – тихо спросила она, и от ее шепота у Вернона затрясся тройной подбородок. – Нет. С этой секунды этот дом – моя крепость. А вы – лишь мебель, которую я пока решила не выбрасывать.

Она ткнула пальцем в латной перчатке ему в грудь.

– Хочешь жить – молчи и делай, что скажу. Хочешь умереть – продолжай орать. Мне все равно. Но если твои вопли привлекут внимание других Слуг до того, как я восстановлю ману... я вырежу твой язык и скормлю его фамильярам. Понял?

Вернон открыл рот, закрыл его, и молча кивнул. Впервые в жизни он столкнулся с силой, которая не просто угрожала ему физически, но и полностью игнорировала его социальный статус, его деньги, его «нормальность».

– Отлично, – Жанна резко развернулась к Гарри.

Гарри стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на нее. В его голове царил хаос. Волшебная палочка уничтожена. Дурсли знают о магии больше, чем когда-либо. У него на руке горят знаки, которые болят, как открытая рана. И посреди его гостиной стоит девушка, которая выглядит как ожившая легенда и ведет себя как садистка.

– Мастер, – она произнесла это слово с иронией. – У тебя есть еда? Настоящая еда, а не тот мусор, которым питаются эти свиньи?

– Э-э... – Гарри моргнул. Переход от угрозы убийством к вопросу о еде был слишком резким. – В холодильнике есть остатки жаркого. И... может быть, сыр.

– Тащи, – скомандовала Жанна. – Мне нужно восполнить энергию. А потом ты расскажешь мне, что здесь происходит и почему у тебя магический потенциал как у табуретки, но при этом ты умудрился призвать Авенджера.

Она села на единственный уцелевший стул во главе обеденного стола, положив ноги в грязных, окровавленных сапогах прямо на кружевную скатерть Петунии.

– Ну? Чего застыл? – рявкнула она. – Шевелись! Война не ждет, пока ты переваришь свой шок.

Гарри бросил последний взгляд на Дурслей. Петуния беззвучно плакала, обнимая Дадли. Вернон стоял у стены, похожий на сдувшийся воздушный шар.

И, как ни странно, впервые за много лет Гарри почувствовал не страх, а странное, холодное спокойствие. Мир рухнул. Нормальности больше не было. Но у него был защитник.

Пусть даже этот защитник был сущим чудовищем.

Гарри пошел на кухню за жарким.

Гарри вернулся в гостиную, неся в руках большое керамическое блюдо с остатками вчерашнего ростбифа и кусок чеддера, завернутый в фольгу. Руки его слегка подрагивали, и керамика тихо позвякивала.

Картина, открывшаяся ему, была сюрреалистичной даже по меркам Хогвартса.

Посреди разгромленной комнаты, где еще пахло озоном и страхом, за столом с кружевной скатертью (теперь прожженной в трех местах) сидела Жанна д'Арк Альтер. Она закинула ноги в тяжелых латных сапогах прямо на стол, сдвинув в сторону хрустальную вазочку с мятными леденцами. Ее черный плащ, похожий на крылья падшего ангела, свисал со спинки стула, касаясь пола.

Дурсли сбились в кучу у камина, как стадо овец во время грозы. Вернон держался за горло, на котором уже наливались уродливые фиолетовые синяки в форме пальцев. Петуния механически гладила Дадли по голове, глядя в одну точку невидящим взглядом. Дадли же, вопреки всему, не сводил глаз с гостью. В его взгляде ужас боролся с чем-то вроде замороженного любопытства – так дети смотрят на тигра в зоопарке, который только что откусил зрителю руку.

– Долго, – бросила Жанна, не поворачивая головы. – Я могла бы успеть сжечь Францию за это время.

Гарри поставил блюдо на стол, стараясь не задеть ее сапоги.

– Оно холодное, – предупредил он. – Микроволновка, кажется, сдохла после твоего появления.

Жанна скосила на него янтарный глаз.

– Мне не нужна твоя магловская коробка с радиацией.

Она протянула руку к мясу. Ее пальцы в черной перчатке коснулись куска говядины. С легким шипением по мясу пробежали багровые искры. Жир мгновенно зашкворчал, по комнате поплыл запах свежеприготовленного жаркого, смешанный с запахом серы.

Она схватила кусок мяса рукой – без вилки, без ножа – и впиалась в него зубами. Это было не человеческое поглощение пищи. Это было кормление хищника. Она рвала волокна, глотала почти не жуя, и при этом смотрела на Гарри с вызовом.

– Чего уставился? – прошамкала она с набитым ртом. – Слугам нужна мана. А поскольку ты, как маг, бесполезен чуть более чем полностью, мне приходится добирать энергию через материю. Садись.

Это был приказ. Гарри опустился на стул напротив, чувствуя, как деревянная спинка врезается в его ноющие лопатки.

– Кто ты? – спросил он снова. На этот раз голос его был тверже. Шок отступал, уступая место холодной, прагматичной необходимости понять правила игры.

Жанна проглотила кусок, вытерла жирные губы тыльной стороной ладони и ухмыльнулась.

– Я – твой ночной кошмар, ставший явью, – она откинулась на спинку стула, и дерево жалобно скрипнуло под весом ее доспехов. – Класс Авенджер. Жанна д'Арк Альтер. Тень святой, которую предали, сожгли и забыли. А теперь слушай сюда, щенок.

Она подалась вперед, и ее лицо оказалось в опасной близости от лица Гарри. От нее исходил жар, как от открытой печи.

– Ты влез в Войну Святого Грааля. Не спрашивай меня, как и почему – мне плевать. Факт в том, что у тебя на руке Командные Заклинания, а значит, ты – Мастер.

Гарри посмотрел на свою правую руку. Три багровых штриха пульсировали ровным, тусклым светом.

– Война? – переспросил он. – Как война с Волдемортом?

Жанна закатила глаза так сильно, что на секунду стали видны только белки.

– Волдеморт? Кто это? Какой-то местный царек? – она фыркнула. – Забудь свои мелкие разборки. Это – Королевская Битва. Семь Мастеров. Семь Слуг. Герои прошлого, выдернутые из Трона Героев, чтобы убивать друг друга ради одной чашки.

– Чашки? – голос Вернона прорезался из угла. Он не смог сдержаться. Абсурдность ситуации перевесила страх. – Вы разнесли мой дом, убили электричество и чуть не задушили меня из-за какой-то... чашки?!

Жанна медленно повернула голову. Ее взгляд был тяжелым, как могильная плита.

– Эта «чашка», жирный боров, – прошептала она, – может переписать реальность. Она исполняет любое желание. Воскресить мертвых. Обрести бессмертие. Или... – ее глаза сузились, – ...отомстить Богу за то, что он создал этот убогий мир.

В комнате повисла тишина.

– Любое желание? – тихо переспросил Гарри.

– Любое, – подтвердила Жанна, возвращаясь к еде. – Но не обольщайся. Ты не выиграешь. Ты слаб. У тебя нет маны. Твои магические цепи – это смех. Я чувствую, с каким трудом ты поддерживаешь мое существование. Я сейчас ем это отстойное мясо только для того, чтобы не исчезнуть прямо здесь.

Она ткнула в него куском сыра.

– И где твоё оружие? Тот урод сломал твою палочку. Ты что, маг-инвалид? Без деревяшки колдовать не умеешь?

Гарри опустил глаза. Обломки его палочки все еще валялись на полу у лестницы, смешавшись с осколками вазы. Сердце болезненно сжалось.

– Я... я не умею без нее, – признался он.

– Блеск, – Жанна швырнула сыр на тарелку. – Просто блеск. Мой Мастер – калека. Значит так. Твоя задача – не сдохнуть. Моя задача – убить остальных шестерых Слуг. Ты будешь моей батареей. Плохой, протекающей батареей, но другой у меня нет.

Внезапно телевизор в углу, который до этого казался мертвым, зашипел. Экран, покрытый паутиной трещин, моргнул и засветился серым, старым светом. Звук прорвался сквозь помехи – искаженный, дребезжащий.

«...экстренный выпуск новостей. Взрыв газа в районе Литтл-Уингинга... полиция просит жителей оставаться в домах... очевидцы сообщают о странных огнях...»

Жанна повернулась к экрану.

– Газ, – усмехнулась она. – Классика. Прикрытие Ассоциации работает быстро.

Она встала, и стул с грохотом упал назад.

– Ладно. Перерыв окончен. Тот Ассасин, Жиль... он не уйдет далеко. Он одержим. Он думает, что я – его святая дева, которую нужно «очистить».

Гарри вздрогнул.

– Он знает тебя?

Лицо Жанны на мгновение исказилось. Это была не злость, а что-то более глубокое, болезненное.

– Он знал её, – резко ответила она. – Оригинал. Жанну, которая молилась и спасала Францию. Он был ее маршалом. Ее другом. А когда ее сожгли, он сошел с ума. Стал чудовищем, убивающим детей, чтобы призвать демонов и отомстить Богу.

Она подошла к Гарри и наклонилась, опираясь руками о стол.

– Ирония в том, что Грааль создал меня именно такой, какой он хотел ее видеть. Мстительной. Жестокой. Ведьмой. Но его больной мозг не может этого принять. Он хочет «спасти» меня.

Она выпрямилась и поправила латную перчатку.

– Поэтому мы не будем ждать, пока он вернется со своей армией из слизи. Мы превратим этот дом в крепость.

– Крепость? – Петуния наконец подала голос. Она встала, отряхивая юбку, и в ее движениях появилась странная, истеричная решимость. – Это мой дом. Мой! Я столько лет держала его в идеальном порядке...

– Твой порядок закончился, – оборвала ее Жанна. – Теперь здесь будет хаос. Мой хаос.

Она подняла руку, и в ее ладони вспыхнул черный огонь.

– Эй, ты, – она кивнула Дадли.

Толстый мальчик вздрогнул, его щеки затряслись.

– Я?

– Ты. Тащи все, что горит. Дерево, бумагу, тряпки. Мы будем разжигать сигнальные костры.

– Сигнальные костры? – ужаснулся Вернон. – В гостиной?!

– Нет, идиот. На магическом уровне, – Жанна закатила глаза. – Мне нужно создать Территорию, которая перекроет след Ассасина. Иначе он вернется через час и дожрет вас.

Она повернулась к Гарри.

– А ты, Мастер... иди собери свои игрушки. Мы будем учить тебя выживать без палочки. Потому что если ты надеешься спрятаться за моей спиной – я тебя сама прикончу, чтобы не мешался под ногами.

Гарри посмотрел на нее. В золотых глазах Жанны Альтер не было ни капли тепла, ни намек на дружелюбие. Она была оружием, выкованным из ненависти. Но сейчас это оружие стояло между ним и бездной.

– Я не буду прятаться, – тихо сказал он.

Жанна хмыкнула. Уголок ее рта дернулся вверх в подобии улыбки – хищной, но уже не такой презрительной.

– Посмотрим. А теперь – за работу. Война началась.

Она взмахнула рукой, и люстра над их головами, до этого висевшая на одном проводе, вспыхнула ярким, неестественным синим пламенем, осветив руины их прежней жизни холодным светом битвы.

Синий свет от пылающей люстры заливал гостиную холодным, мертвенным сиянием. Жанна раздавала приказы ошеломленным Дурслям, словно генерал, занявший вражескую деревню. Вернон, багровея и пыхтя, потащил в коридор переломанные стулья. Петунья, подрагивая всем телом, собирала в мусорный пакет осколки своей любимой вазы, а Дадли, с выпученными глазами, тащил стопку старых газет.

Гарри попытался сделать шаг к лестнице, чтобы выполнить приказ Жанны и собрать свои вещи.

Его нога подкосилась.

Мир внезапно накренился. Боль в ребрах, которую Жанна «починила», никуда не делась – она просто изменила тональность, превратившись из острой в глубокую, тупую пульсацию, отдающуюся в каждом позвонке. Кровь отхлынула от лица, перед глазами поплыли черные мушки. Магическое истощение, помноженное на физический шок, наконец-то выставило счет.

Он начал заваливаться набок, прямо на усыпанный стеклом ковер.

Железная хватка сомкнулась на его предплечье за долю секунды до падения.

– Тц, – раздался над ухом раздраженный цокот языка. – Я же сказала, что ты бракованная батарейка.

Гарри повис на руке Жанны. Латная перчатка больно впивалась в плоть, но держала крепко, не давая упасть. Он тяжело дышал, чувствуя, как холодный пот заливает лоб.

– Я... я в порядке, – прохрипел он, пытаясь отстраниться, но тело его не слушалось.

– Заткнись и не трать кислород на ложь, – процедила она. – Твои магические цепи сжались до толщины волоса. Еще минута на ногах, и ты впадешь в кому. А мне нужен живой Мастер, а не овощ.

Жанна перекинула его руку через свое плечо, бронированное черным металлом. От доспехов исходил жар, как от остывающей печи, и пахло старой кровью. Одним слитным, неестественно сильным движением она оторвала его от пола и почти понесла к лестнице.

– Эй, вы, – бросила она Дурслям через плечо. – Если к моему возвращению этот мусор не будет сложен в центре гостиной, я сложу там вас.

Вернон что-то протестующе булькнул, но Жанна уже тащила Гарри наверх.

Ступени казались бесконечными. Гарри полувисел на ней, перебирая ногами чисто машинально. Он чувствовал жесткость ее наплечника и мягкость волос, когда она поворачивала голову. Контраст между чудовищной силой Слуги и хрупкостью девушки, которой она казалась, сбивал с толку.

Они ввалились в его спальню. Комната все еще хранила в себе удушливый запах водорослей и гнили – наследие Жилия де Ре. Окно, заляпанное снаружи какой-то слизью, пропускало лишь тусклый желтый свет уличного фонаря.

Жанна без церемоний сбросила Гарри на кровать. Пружины скрипнули.

– Лежи, – приказала она.

Она подошла к окну и с размаху ударила по стеклу закованным в латы кулаком. Стекло не разбилось, но покрылось паутиной трещин. Жанна выдохнула струйку черного дыма прямо на трещины. Слизь снаружи мгновенно высохла и осыпалась серым пеплом, впустив в комнату свежий ночной воздух.

Гарри лежал на спине, глядя на потолок. Дышать было больно, но не так сильно, как внизу.

– Спасибо, – тихо сказал он.

Жанна резко обернулась. Золотые глаза в полумраке светились, как у кошки.

– Я запретила тебе благодарить меня, – ее голос был тихим, но угрожающим. – Я не рыцарь в сияющих доспехах. Я вытащила тебя наверх только потому, что если ты сдохнешь на лестнице, мне придется спотыкаться о твой труп.

Она подошла к кровати и посмотрела на него сверху вниз. В ее взгляде не было презрения. Скорее, холодный расчет патологоанатома.

– Твое тело не привыкло к мане Слуг. То исцеление, которое я применила – это грубая сила. Твои ткани срослись, но нервы все еще помнят разрыв. Тебе нужен сон. Обычный, магловский сон. Часа два, не больше.

Гарри покачал головой.

– Я не могу спать. Тот монстр... Жиль. Он может вернуться. Дурсли внизу одни, они ничего не смогут сделать. И... – он сглотнул вязкую слюну, – у меня нет палочки. Я беззащитен.

Жанна хмыкнула и вдруг наклонилась. Ее лицо оказалось в нескольких дюймах от его лица.

– Слушай меня, мальчик со шрамом, – прошептала она, и каждое слово падало, как капля раскаленного воска. – Пока я здесь, никто в этом доме не умрет без моего разрешения. Жиль де Ре – трус, когда дело доходит до прямых столкновений со мной. Он будет зализывать раны и плести паутину. У нас есть время.

Она выпрямилась и вдруг начала расстегивать ремни на своем черном доспехе. Раздался лязг металла – тяжелые наручи со стуком упали на пол, оставив вмятины в дешевом паркете. За ними последовали наплечники. Под слоями брони оказалась простая черная рубашка, плотно облегающая ее хрупкую, но жилистую фигуру.

Гарри попытался отвести взгляд, чувствуя неуместность ситуации, но усталость пригвоздила его к матрасу.

Жанна не обращала на него внимания. Она сняла перчатки, бросив их на письменный стол, и устало потерла запястья. На ее бледной коже виднелись красные следы от ремешков, словно она носила этот доспех столетиями, не снимая.

– Чего отворачиваешься, девственник? – хмыкнула она, заметив его смущение. – Думаешь, мне есть дело до твоих магловских приличий? Я сгорела заживо на площади, на глазах у тысяч зевак. Поверь, стеснение – это роскошь, которая сгорает первой.

Она подошла к кровати и бесцеремонно сгребла одеяло, сбросив его на пол. Гарри вздрогнул.

– Твоя кровь на простынях. И слизь того ублюдка, – констатировала она, поморщив нос. Взмахнув рукой, она выпустила короткую вспышку багрового пламени. Пятна зашипели и испарились, оставив после себя запах озона и стерильной чистоты. – Ложись.

Гарри повиновался, чувствуя себя невероятно глупо и беспомощно. Он лег на спину, стараясь не тревожить ноющие ребра. Метка на правой руке тихо пульсировала, напоминая о

связи между ними – связи, которая теперь казалась единственным якорем в сошедшем с ума мире.

Жанна не ушла. Она пододвинула единственный стул к кровати, развернула его спинкой вперед и села, положив подбородок на скрещенные руки. Золотые глаза не мигая смотрели на него.

– Зачем ты осталась здесь? – тихо спросил Гарри, нарушая гнетущую тишину. – Внизу... Дурсли. Они же могут сделать какую-нибудь глупость. Вернон может попытаться сбежать или...

– Пусть бежит, – перебила она с абсолютным равнодушием. – За пределы Территории, которую я сейчас формирую, он не уйдет. А если и уйдет – мне плевать. Они не мои Мастера. Они просто куски мяса, путающиеся под ногами.

Она прищурилась, изучая его лицо.

– А вот ты... ты проблема. Твоя магическая цепь – это катастрофа. Я чувствую в тебе... затор.словно огромный резервуар энергии запечатан чем-то гнилым и старым. И этот шрам на твоём лбу.

Гарри рефлекторно потянулся ко лбу, но остановил руку на полпути. Шрам больше не пульсировал от присутствия Волдеморта. Он ощущался как ледяная пустота.

– Когда тот монстр... Жиль... коснулся меня, – начал Гарри, подбирая слова, – он сказал что-то про «Грязь». И про «осколок чужой душонки». Он говорил, что во мне что-то есть.

Жанна замерла. Ее глаза сузились, превратившись в узкие щелочки. В комнате резко похолодало.

– Грязь, – повторила она шепотом, и в этом слове было столько ненависти, что Гарри стало страшно. – Черная Грязь Грааля. Абсолютное проклятие. И ты говоришь, что он почувствовал ее... в тебе?

Она вскочила со стула с грацией разъяренной кошки. В одно мгновение она оказалась над ним, прижав колено к краю кровати. Ее холодные пальцы, лишённые латной перчатки, схватили его за подбородок, заставляя смотреть ей прямо в глаза.

– Слушай меня очень внимательно, щенок, – прошипела она, и ее дыхание обожгло его лицо. – Черная Грязь – это концентрированное зло всего человечества. Если она внутри тебя, ты должен был давно сойти с ума. Превратиться в безмозглого монстра, жаждущего разрушения. Почему ты еще в своем уме? Что за «осколок» сдерживает ее?

Гарри сглотнул, чувствуя, как ее ногти впиваются в его кожу.

– Я не знаю, – честно ответил он, голос его дрожал. – Я просто Гарри. У меня в голове нет никаких осколков. Только... иногда мне снятся кошмары. О зеленом свете. О человеке, который убил моих родителей. Его зовут Волдеморт. Дамблдор говорил, что между нами есть связь... из-за шрама.

Жанна несколько секунд смотрела в его глаза, словно пытаясь прожечь дыру в его сознании и найти ответы самостоятельно. Затем она резко разжала пальцы и отстранилась.

– Связь, – презрительно фыркнула она, отходя к окну. – Магловские сказки. Вы, современные маги, понятия не имеете, с какими силами играете. Если в тебе действительно запечатана часть души другого мага... это объясняет, почему Грязь не поглотила тебя целиком. Она жрет его, а не тебя. Пока что.

Она прислонилась лбом к холодному стеклу, глядя на пустую Тисовую улицу.

– Спи, Мастер, – бросила она через плечо, и в ее голосе впервые прозвучали нотки не то усталости, не то странного фатализма. – Два часа. Я буду здесь. Если Грязь попробует вырваться, пока ты спишь... я просто сожгу твою голову вместе с ней.

Это прозвучало не как угроза. Это прозвучало как обещание милосердия.

Гарри закрыл глаза. Вопреки здравому смыслу, вопреки боли и страху, присутствие этого демонического создания рядом действовало успокаивающе. Она не была доброй. Она была чудовищем. Но это было его чудовище.

Усталость накатила тяжелой, темной волной, унося его в беспокойный, лишенный сновидений сон.

Жанна Альтер стояла у окна, вслушиваясь в неровное дыхание спящего подростка.

Она лгала ему. И лгала себе.

Ей не было плевать. Когда она увидела его, истекающего кровью на полу среди осколков, защищающего тех самых людей, которые желали ему смерти, внутри нее что-то шевельнулось. Нечто давно забытое, похороненное под пеплом костра в Руане.

Глупая, наивная жертвенность. Точно такая же, какая была у нее. У той, другой Жанны, которую она ненавидела больше всего на свете.

Жанна Альтер подняла руку и посмотрела на свои тонкие пальцы. Они все еще дрожали от напряжения. Исцеление, которое она применила к Гарри, потребовало колоссального количества маны, которой у нее почти не было. Она рисковала собственным существованием ради этого бракованного Мастера. Зачем?

«Потому что он – мой билет в этот мир», – злобно подумала она, сжимая кулак. – «Только и всего».

Но когда Гарри тихо застонал во сне и свернулся в клубок, Жанна молча подошла к кровати. Она подняла с пола сброшенное одеяло и, стараясь не шуметь, набросила его на вздрагивающие плечи подростка.

Затем она вернулась на стул, положила подбородок на скрещенные руки и уставилась в темноту, готовая убить любого, кто посмеет переступить порог этой комнаты.

Глава 3. Девушка, пахнувшая пеплом и луной

Гарри не знал, сколько он спал. Час? Вечность?

Его разбудил не звук. Тисовая улица за окном была мертва – Жанна сдержала слово, ее Территория поглотила любые шумы внешнего мира. Его разбудило ощущение взгляда. Тяжелого, пристального, почти физически ощутимого давления на кожу.

Он медленно, стараясь не менять ритм дыхания, приоткрыл один глаз.

Комната тонула в чернильной темноте, разбавленной лишь серебряным лучом луны, пробивавшимся сквозь очищенное от слизи стекло. И в этом луче, как в прожекторе, сидела она.

Жанна д'Арк Альтер.

Она больше не сидела на стуле. Она перебралась на край его кровати, поджав одну ногу под себя, совершенно по-домашнему, игнорируя тот факт, что находится в постели с парнем, которого знает меньше трех часов.

Доспехи исчезли окончательно. На ней была только та самая черная рубашка, верхние пуговицы которой были расстегнуты, открывая бледную, почти прозрачную кожу ключиц. Рукава были закатаны до локтей, обнажая тонкие, изящные запястья, на которых не было ни шрамов, ни мозолей от меча – только идеальная, фарфоровая гладкость.

Гарри замер, боясь пошевелиться.

Она не видела, что он проснулся. Она смотрела на его лицо, изучая его с жадностью ученого, нашедшего неизвестный вид, и с тоской человека, нашедшего что-то давно утраченное.

В лунном свете ее лицо казалось... невозможным.

Куда делась та фурия, что час назад обещала сжечь мир? Где тот оскал безумца, от которого стыла кровь?

Перед ним сидела девушка. Просто девятнадцатилетняя девушка.

Ее пепельно-белые волосы, освобожденные от шлема и магии, мягкими волнами падали на плечи, серебрясь в лунном свете. Одна прядь упала ей на лицо, и она сдула ее раздраженным, почти детским жестом, надув губы.

Ее ресницы – длинные, густые, угольно-черные – отбрасывали тени на высокие скулы. Глаза, эти пугающие янтарные озера, сейчас не горели огнем ненависти. Они были темными, глубокими, похожими на старое золото или гречишный мед. В них читалась усталость – такая древняя, что Гарри захотелось завывать.

Она медленно протянула руку.

Гарри напрягся, ожидая удара, захвата или очередной проверки пульса. Но ее пальцы – прохладные, пахнущие металлом и (внезапно) лавандовым мылом Петунии – лишь невесомо коснулись его лба.

Она провела большим пальцем по шраму-молнии.

– Больно? – прошептала она.

Вопрос был задан не ему. Она спрашивала пустоту. Или саму себя.

– Мне тоже было больно, – продолжила она едва слышно, и ее голос был чистым, звонким, лишенным той хрипотцы и скрежета, которыми она защищалась днем. – Когда огонь лижет пятки... ты сначала молишься. Потом кричишь. А потом... потом ты просто хочешь, чтобы все закончилось.

Ее палец скользнул со лба на щеку Гарри, очерчивая скулу. Это прикосновение было интимнее, чем любой поцелуй.

– Ты такой же, – прошептала она, и на ее лице появилась слабая, грустная полуулыбка, от которой у Гарри перехватило дыхание. – Сломанный сосуд. Маленький мученик, которого все бросили.

Гарри увидел, как в ее глазах блеснула влага. Не слезы – Жанна Альтер, воплощение ненависти, не умела плакать. Это было что-то другое. Расплавленная боль, которая искала выход.

Она вдруг наклонилась ниже. Ее лицо оказалось так близко, что он почувствовал тепло ее кожи. Она пахла не серой и гарью, как раньше. Она пахла дождем, озоном и чем-то неуловимо сладким – может быть, тем самым яблоком, которое она украла бы, если бы была обычной девушкой.

Она уткнулась носом в изгиб его шеи и плеча, шумно втянув воздух.

– Теплый, – выдохнула она, и ее горячее дыхание обожгло кожу Гарри, посылая мурашки вдоль позвоночника. – Живой.

Она не отстранилась. Наоборот, она подалась вперед, и ее тело, мягкое и податливое под тонкой тканью рубашки, навалилось на него. Она положила голову ему на плечо, устроившись поудобнее, словно он был единственной надежной опорой в этом рушащемся мире. Ее нога, перекинутая через его бедро, прижала его к матрасу.

Это было собственнически. Так дракон ложится на свое золото. Так выживший в кораблекрушении цепляется за обломок мачты.

Гарри лежал, боясь дышать. Сердце колотилось о ребра так сильно, что, казалось, она должна была чувствовать каждый удар своей щекой.

В этот момент он увидел ее настоящую. Не Ведьму. Не Мстителя. А одинокую, преданную душу, которая так долго горела в собственном аду, что простое человеческое тепло казалось ей наркотиком.

– Не смей умирать, Гарри, – пробормотала она ему в ключицу, и ее голос начал затихать, проваливаясь в дремоту. – Потому что если ты умрешь... мне снова станет холодно.

Ее рука, лежащая на его груди, сжалась в кулак, комкая его футболку.

Гарри медленно, преодолевая страх и неуверенность, поднял свою руку. Его пальцы зависли в миллиметре от ее пепельных волос. Он не знал, можно ли. Не знал, не сожжет ли она его за эту дерзость.

Но она не шевелилась. Она просто дышала – глубоко и ровно, доверяя ему свой сон.

И Гарри опустил ладонь ей на голову. Волосы оказались мягкими, как шелк.

Жанна не проснулась. Она лишь тихо, едва слышно выдохнула и прижалась к нему еще теснее, словно кот, которого наконец-то пустили в дом с мороза.

Гарри лежал в темноте, глядя на лунный свет, играющий на потолке, и слушал дыхание самой опасной сущности в мире, которая спала в его объятиях. И впервые за эту бесконечную, кровавую ночь он понял одну простую истину.

Они справятся.

Потому что у них нет другого выбора.

Он снова провалился в сон, но на этот раз без кошмаров. Ему снилось поле. Не поле битвы, а простое поле пшеницы под голубым небом Франции, где ветер шелестел в колосьях, а где-то вдалеке звенел смех девушки, которая еще не знала вкуса пепла.

Гарри проснулся от холода.

Рядом никого не было. Место на кровати, где еще недавно лежала Жанна, остыло, но подушка все еще хранила вмятину от ее головы и едва уловимый запах озона и лаванды.

Он сел, поморщившись от тупой боли в ребрах. Часы на тумбочке показывали 3:45. Самый темный час перед рассветом. Час, когда мир кажется особенно хрупким.

Окно было распахнуто настежь. Шторы лениво колыхались от ночного бриза, впуская в комнату запах сырости и... дыма?

Гарри встал, пошатываясь, и подошел к окну. Он выглянул наружу, ожидая увидеть пустую улицу или очередной кошмар Жиля де Ре.

Но увидел он только крышу веранды внизу.

А на самом коньке основной крыши, на фоне огромной, неестественно яркой луны, сидел силуэт.

Жанна д'Арк Альтер.

Она снова была в доспехах. Черный металл поглощал свет, делая ее похожей на провал в пространстве, вырезанный ножницами из ночного неба. Ее плащ, огромный и изодранный по краям, развевался на ветру, как крылья гигантской летучей мыши.

Она сидела, свесив одну ногу в латном сапоге вниз, а другую подтянув к груди. Рядом с ней, воткнутый древком прямо в черепицу, стоял ее флаг. Ткань лениво хлопала на ветру, и каждый хлопок звучал как выстрел.

Гарри, стараясь не шуметь, перелез через подоконник. Шифер был холодным и скользким от росы. Он осторожно, на четвереньках, пополз вверх по скату, молясь, чтобы не сорваться и не разбудить Дурслей (если они вообще спали после всего пережитого).

Жанна не обернулась. Она знала, что он здесь, еще до того, как его нога коснулась крыши.

– Ты крадешься, как слон в посудной лавке, – ее голос был спокойным, но в нем слышалась сталь. Она не смотрела на него. Она смотрела на горизонт, где огни Лондона сливались с чернотой неба.

Гарри добрался до конька и сел рядом, стараясь держаться на почтительном расстоянии от ее флага, который все еще слабо дымился.

– Я думал, ты спишь, – сказал он.

– Слуги не спят, – солгала она, не моргнув и глазом. – Мы дремлем. Копим силы. Сон – это для смертных. Для тех, кто может позволить себе роскошь быть незащищенным.

В ее руке что-то блеснуло.

Это было яблоко. Обычное зеленое яблоко «Гренни Смит» из вазы Петунии. Яркое, сочное пятно жизни на фоне ее мертвого, черного доспеха.

Жанна поднесла фрукт к губам.

ХРУМ.

Звук был таким громким и сочным, что Гарри вздрогнул.

Она откусила огромный кусок, пережевывая его с какой-то яростной задумчивостью. Сок потек по ее подбородку, сверкая в лунном свете, как жидкое серебро. Она не вытерла его. Она слизнула каплю длинным, острым языком, и это движение было одновременно звериным и пугающе чувственным.

– Кислое, – констатировала она, глядя на надкушенный плод. – Как и все в этом мире.

Она повернула голову к Гарри. Ее глаза в темноте светились золотом, но теперь это был холодный, оценивающий свет.

– Знаешь, Мастер, – она покрутила яблоко в пальцах, закованных в сталь. – Когда меня вели на костер... я хотела пить. Просто воды. Но мне дали уксус. Смешно, правда? Святая дева, спасительница Франции, умирает от жажды, а ей в лицо плюют кислотой.

Она снова откусила от яблока, на этот раз агрессивнее, словно наказывая фрукт за его вкус.

– С тех пор я ненавижу сладкое, – прожевала она. – Сладость – это ложь. Это притворство. А вот кислота... горечь... это честно. Это вкус жизни. Вкус предательства.

Она протянула руку с яблоком к Гарри.

– Хочешь?

Гарри посмотрел на фрукт. На нем остались следы ее зубов – неровные, хищные.

– Нет, спасибо, – тихо сказал он. – Я не голоден.

Жанна хмыкнула и убрала руку.

– Слабак, – беззлобно бросила она. – Ты боишься даже вкуса. Боишься, что он обожжет твой нежный язык.

Она доела яблоко в три укуса, вместе с сердцевинкой и косточками. Огрызок она просто швырнула вниз, в темноту сада. Раздался глухой стук о землю.

– Мир – это яблоко, Гарри, – сказала она вдруг, глядя на звезды. – Гнилое, червивое яблоко. И единственное, что с ним можно сделать – это сжечь его дотла, чтобы на пепле выросло что-то новое.

– Или попытаться вылечить, – возразил Гарри.

Жанна резко повернулась к нему. Ее лицо исказилось.

– Лечить? – она рассмеялась, и этот смех был полон горечи. – Кого ты собрался лечить? Этих людей? Твоих родственников, которые запирали тебя в чулане? Волшебников, которые бросили тебя на растерзание маньяку?

Она схватила его за воротник футболки и притянула к себе. Металл ее нагрудника холодил кожу Гарри через тонкую ткань.

– Нет лекарства от человеческой природы, Мастер. Есть только огонь. И я – этот огонь.

Гарри смотрел ей в глаза, не отводя взгляда. Он видел в них не только ярость. Он видел страх. Страх того, что она права. И страх того, что она может ошибаться.

– Может быть, – тихо сказал он. – Но пока ты не сожгла все... ты можешь хотя бы не сжигать меня?

Жанна замерла. Ее хватка на его воротнике ослабла.

– Тебя? – переспросила она шепотом. – Тебя я оставлю на десерт. Ты будешь гореть последним.

Она оттолкнула его, но не грубо.

– Иди спать, идиот, – буркнула она, отворачиваясь и снова утыкаясь взглядом в горизонт. – Твоя смена еще не началась.

Гарри сидел еще минуту, глядя на ее прямую спину, закованную в черную сталь. Затем он молча поднялся и пополз обратно к окну.

Уже в комнате, перед тем как закрыть створку, он услышал тихий шепот, донесшийся с крыши.

– Дурацкий мир... дурацкие яблоки.

И звук, похожий на всхлип, который тут же потонул в шуме ветра.

На горизонте занимался рассвет. Небо окрашивалось в цвет разбавленной крови. Первый день войны подходил к концу, уступая место второму.

И этот день обещал быть еще хуже.

Гарри снова провалился в сон, но на этот раз это не было поле пшеницы.

Ему снилась темнота, но не та вязкая жуть Жилия де Ре, а бархатная, дорогая тьма элитного ресторана. Пахло не гнилью, а старым вином, жареным мясом и тяжелым парфюмом. Гарри сидел за столом, укрытым накрахмаленной скатертью, а напротив него сидела она.

На ней не было доспехов. Никакой стали, никакой копоти. Черное вечернее платье с открытыми плечами облегалo её фигуру, как вторая кожа, подчеркивая пугающую, мертвенную белизну плеч. Её пепельные волосы были уложены в элегантную причёску, а в янтарных глазах вместо пожаров Руана отражался свет свечей.

– Ты ведь этого хотел, Мастер? – её голос во сне вибрировал, как струна виолончели. – Хотел коснуться сердца ведьмы? Пригласить меня в ресторан? Ты думаешь, еда может заглушить вкус пепла?

В этом сне Гарри чувствовал себя не подростком, а кем-то... достойным. Он протянул руку, и его пальцы коснулись её ладони. Кожа была горячей, почти обжигающей, и в этом тепле было что-то настолько правильное, что его сердце готово было пробить грудную клетку.

И в этот момент реальность дала трещину.

Лицо Жанны во сне не просто изменилось – оно «сломалось», как треснувшее зеркало. Глаза расширились, наполнившись чистым, концентрированным ядом.

– Ты... серьезно? – её голос во сне стал резким, как удар хлыста. – Ресторан? Свечи? Это всё, что твой девственный мозг смог выдать в качестве «награды»? Ты даже грезить умудряешься с грацией паралитика!

Гарри рванулся вверх, вырываясь из сна, и тут же замер.

В нескольких сантиметрах от его правой ладони в матрас вонзилось острие черного флага. Ткань полотнища тяжело зашуршала, а металл наконечника вибрировал так, что кровать начала мелко подрагивать. От него летели искры, прожигая в одеяле аккуратные черные дырочки.

Над ним стояла Жанна Альтер. В полном боевом облачении. Доспехи лязгали, потому что её буквально трясло от бешенства.

– Пять секунд, Поттер, – прошипела она. Её голос напоминал звук работающей болгарки, наткнувшейся на кость. – У тебя есть ровно пять секунд, чтобы обосновать, почему я в твоей голове выгляжу как героиня дешевого романа для старых дев. Пять.

Гарри попытался вжаться в стену, но наконечник флага двинулся за ним.

– Это был сон! – закричал он, срываясь на фальцет. – Я не выбирал декорации! Это подсознание, оно само...

– Четыре! – Жанна сделала шаг вперед, и её кованный сапог с хрустом раздавил упавшую на пол книгу. – «Пригласить ведьму в ресторан»? Ты серьезно? Ты думаешь, я – это та самая святая кукла, которая будет краснеть над бокалом бордо? Ты решил, что если нацепишь на меня платье, то я стану «нормальной»?

– Нет! Я просто... я просто хотел, чтобы тебе было хорошо! – выпалил Гарри, закрываясь руками.

Жанна замерла. Это было похоже на то, как если бы у летящего снаряда внезапно кончилось топливо. Она стояла неподвижно, и только багровые искры продолжали сыпаться с её флага.

– Чтобы мне было... что? – переспросила она. Тихо. Слишком тихо.

– Хорошо, – повторил Гарри, чувствуя, как горит лицо. – В моих снах обычно всё горит или умирает. Я просто хотел... чего-то другого. Черное платье тебе идет, кстати.

Раздался звук, похожий на короткое замыкание. Жанна ударила древком флага о пол с такой силой, что по паркету через всю комнату побежала глубокая трещина, добравшись до самого шкафа.

– Заткнись! – заорала она, и её лицо стало пунцовым, почти под цвет Командных Заклинаний. – Просто захлопни свою пасть! Ты – мелкое, сентиментальное ничтожество! Я – Авенджер! Я существую, чтобы ненавидеть! Моё «хорошо» – это когда мои враги захлебываются собственной кровью, а не когда мне подадут сраный стейк средней прожарки!

Она рванулась к нему, её латная перчатка схватила его за горло – не чтобы задушить, а чтобы зафиксировать его взгляд на себе.

– Если я еще раз увижу в канале связи хоть один намек на «свидания», «свечи» или, не дай бог, «романтическую музыку»... я выжгу твою лобную долю. Ты меня понял? Я не твоя подружка из школы. Я – стихийное бедствие, которое решило пожить в твоём доме.

Она отпустила его, брезгливо вытерев перчатку о штанину своих доспехов.

– Стерилизовать, – пробормотала она. – Вас всех, британских магов, нужно стерилизовать при рождении. У вас вместо мозгов розовая патока.

Жанна крутанулась на каблуках, её плащ взметнулся, как знамя погибели.

– И еще одно, – она замерла у двери, не оборачиваясь. – То платье. Оно было... безвкусно. Если решишь помечтать еще раз – выбери что-то более агрессивное. Я не собираюсь выглядеть как вдова на похоронах даже в твоём идиотском сне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.